

Хан Сычжоу запрокинул голову, ошеломленно глядя на мужчину перед собой.

Время и бушующая непогода словно замерли в одно мгновение.

Сяо Хан стоял спиной к свету. В его глубоких темных глазах, казалось, укрылась безмолвная гладь ночного моря — эта бездонная тишина манила и пугала одновременно.

Сердце Сычжоу бешено, неуправляемо заколотилось.

Он вдруг вспомнил, что их самая первая встреча с Сяо Ханом произошла под таким же бесконечным, затянувшимся ночным дождем.

Это случилось в самом начале второго года старшей школы.

У Сычжоу дела с учебой никогда не ладились, а у его отца была проверенная логика: не тянешь программу — марш на дополнительные занятия. Так что каждый понедельник, среду, пятницу и воскресенье семейный водитель послушно привозил его сюда на уроки.

Для закоренелого двоечника курсы были лишь очередным местом, где можно безнаказанно витать в облаках или спать. После того как преподаватель несколько раз вызвал его и не дождался ни одного внятного ответа, Сычжоу и вовсе перестал заходить в класс. Он просто усаживался на широкий подоконник в коридоре и тоскливо смотрел на дождь.

Отец, не знавший жалости в вопросах дисциплины, отобрал у него телефон перед занятиями, лишил единственного развлечения. Прислонившись к раме и умирая от скуки, Сычжоу лениво разглядывал редких прохожих.

Ливень не прекращался. Люди торопливо пробегали мимо, не желая задерживаться в полуоткрытом коридоре.

И лишь один парень, стоявший в пяти-шести метрах от него, не двигался с места.

Он застыл там уже давно, минут тридцать, не меньше.

Когда тот только пришел, его волосы и одежда уже были мокрыми насквозь. Тем не менее он упрямо стоял прямо на сквозняке, будто совершенно не чувствуя холода. На нем была на редкость тонкая куртка — казалось, этот хрупкий силуэт вот-вот растворится в сумерках.

Еще перед началом занятий Сычжоу заметил его на первой парте. Дело было вовсе не в

феноменальной памяти — этот парень слишком сильно выделялся на общем фоне. Стоило ему один раз попасть в поле зрения, как он тут же приковывал к себе все внимание.

«И что он там делает? Ждет, пока утихнет дождь?»

«А где его зонт?»

Сычжоу отчетливо помнил, что парень пришел с большим черным зонтом в руках.

«Неужели кто-то утащил?»

Тот был невероятно худым, бледным, с тонкими и чистыми чертами лица — идеальная мишень для школьных задир.

Сычжоу недовольно цыкнул. Подумать только, даже здесь, на дополнительных курсах, умудряются травить одноклассников. Какое свинство.

Он, словно гибкий дворовый кот, спрыгнул с подоконника, перехватил поудобнее свой зонт и направился к парню.

Парень заворуженно смотрел на пелену дождя. Сычжоу постоял рядом пару минут, но тот даже не повернул головы.

Сычжоу демонстративно кашлянул. Никакой реакции.

Пришлось осторожно коснуться его плеча.

Парень наконец обернулся. Его темные, почти черные глаза на мгновение задержались на Сычжоу, после чего он безучастно отвел взгляд.

«Жертвы издевательств всегда настороже», — понимающе подумал Сычжоу и решил проявить великодушие.

— Ждешь, пока закончится дождь?

Парень помолчал несколько секунд, а затем тихо выдавил:

— Да.

Сычжоу протянул ему свой зонт:

— Держи.

Тот снова повернулся к нему. На этот раз в его глазах отразилось искреннее недоумение.

Сычжоу улыбнулся:

— За мной скоро приедет машина, так что мне зонт без надобности. А тебе нужнее.

Едва прозвучали эти слова, как парень снова отвернулся.

Прошло несколько томительных секунд, прежде чем он глухо произнес:

— Не нужно.

Не дожидаясь ответа, он шагнул прямо под холодные струи. Его высокая, худая фигура мгновенно растворилась в стене дождя.

Воспоминание оборвалось так же внезапно, как и возникло.

Сяо Хан крепко сжал его запястье и негромко скомандовал:

— Сначала сядь в машину.

Сычжоу продолжал молча смотреть на него.

Мужчина выглядел безупречно: дорогой деловой костюм, идеально уложенные волосы, которых будто и не касались порывы ветра.

Сам же Сычжоу представлял собой жалкое зрелище. Мокрая одежда облепила тело, растрепанные волосы слиплись от сырости. После долгого пребывания на холодном ветру лицо его наверняка осунулось и побледнело — неудивительно, что даже охранник не выдержал и заговорил с ним.

В этот момент Сычжоу, кажется, наконец понял, почему Сяо Хан тогда отверг его помощь.

В те годы он был изнеженным богатым наследником в брендовых шмотках, которого повсюду сопровождал личный водитель. А Сяо Хан — обычным, гордым парнем, промокшим до нитки и вынужденным добираться домой пешком. Между ними пролегла невидимая, но непреодолимая пропасть, разделявшая их миры.

Наверняка тогда Сяо Хан меньше всего на свете хотел иметь с ним дело. И пусть позже судьба все равно заставила их столкнуться лбами, в самом начале тот просто пытался держаться от него как можно дальше.

Точно так же, как и сам Сычжоу сейчас желал, чтобы Сяо Хан ушел.

Исчез туда, откуда не сможет увидеть его позор.

— Не нужно, — Сычжоу упрямо отвернулся и посмотрел на охранника. — Ты ведь обещал одолжить мне зонт? Надеюсь, ты не передумал?

Охранник опешил.

«За тобой же приехали на роскошном авто, зачем тебе мой копеечный зонт?»

Заметив замешательство на лице мужчины, Сычжоу недовольно нахмурился:

— Или просто проводи меня под зонтом до той машины.

Сяо Хан сжал зубы, на его виске напряглась жилка.

Он бросил на несчастного охранника такой леденящий взгляд, что тот моментально вжал голову в плечи.

— Ой, у меня тут срочное дело образовалось, я пойду! — пробормотал бедолага и спешно ретировался в свою сухую будку, унося спасительный зонт с собой.

Дождь припустил сильнее, ветер завывал все яростнее.

Сяо Хану совсем не улыбалось мокнуть на улице и препираться с упрямым. Не давая Сычжоу опомниться, он сделал шаг вперед, резко наклонился и подхватил его на руки.

Внезапно потеряв опору, Сычжоу от неожиданности крепко обвил руками шею Сяо Хана.

Сильные, как тиски, руки мужчины намертво прижали его к груди — вырваться не было ни единого шанса.

У Сычжоу предательски защемило в носу от подступающих слез.

«Какое унижение!» — обреченно подумал он.

«Зачем, ну зачем он приехал? Меньше всего на свете мне хотелось, чтобы Сяо Хан видел меня в таком жалком виде!»

Голова шла кругом. В порыве бессильной злости и отчаяния Сычжоу уткнулся лицом в плечо мужчины и со всей силы вонзил зубы в плотную ткань пиджака.

Это был и бунт, и попытка выплеснуть накопившуюся боль.

Он разжал челюсти только тогда, когда почувствовал, как напряглось под его губами крепкое тело Сяо Хана.

Усадив Сычжоу на пассажирское сиденье, Сяо Хан обошел машину, достал из багажника запасную чистую рубашку с мягким сухим полотенцем и протянул ему.

Тяжелая дверь захлопнулась, и безупречная шумоизоляция салона мгновенно отсекала яростный рев стихии снаружи.

Сяо Хан повернулся к нему, бросив взгляд на его посиневшие от холода губы:

— И что это сейчас было? Что с тобой происходит?

Сычжоу упрямо поджал губы:

— Ничего.

— Ничего? И поэтому ты торчал там под ливнем в полном одиночестве?

Сычжоу отвернулся к окну и хрипло буркнул:

— Да. Я... просто люблю дождь. Решил прогуляться под ливнем, это что, преступление?

Сяо Хан глубоко, шумно вздохнул, пытаясь совладать со стремительно закипающим гневом.

Этого плюшевого кролика Сычжоу берег как зеницу ока. Сяо Хан отлично помнил, как однажды они потеряли его во время загородной поездки, и Сычжоу посреди ночи с фонариком обыскивал весь холм.

Должно быть, случилось что-то по-настоящему скверное, раз он бросил своего любимца на сырую землю и выложил этот снимок в сеть.

Сяо Хан крепче сжал руль и молча тронул машину с места.

Но стоило им спуститься на подземную парковку, как Сычжоу, ехавший всю дорогу смирно, снова встал в позу.

— Я не пойду наверх.

В салоне повисла тяжелая, гнетущая тишина.

В этот момент у соседней машины распахнулась дверь, и из нее вышла стильно одетая девушка. Сычжоу уставился на нее невидящим взором, упрямо отвернувшись и подставив под его взгляд лишь свой профиль.

Голос Сяо Хана мгновенно заledenел:

— Ты промок до нитки, и все еще, блядь, капризничаешь?

Вся злость, обида и горечь, бушевавшие в душе Сычжоу, мгновенно вспыхнули от этого окрика. Он больше не мог сдерживаться и сорвался на ответный крик:

— Да! Мне паршиво как никогда! Неужели тебе так трудно, блядь, уступить мне хоть раз и просто пожалеть?!

Этот крик послужил спусковым крючком.

Слезы хлынули безудержным потоком, мгновенно застилая глаза.

Он ведь простоял под ледяным дождем так долго, но ни разу не пожалел себя. И когда видел, как унижают мать, когда выслушивал беспочвенные обвинения отца, когда наглый ублюдок, сын любовницы, без спроса забирал его вещи — он даже не думал плакать.

«Так почему же от одной-единственной грубой фразы Сяо Хана слезы сами хлынули из глаз?»

Горло сдавило спазмом, дышать стало трудно. В груди все сжалось от невыносимой боли, лишая возможности издать хоть звук. Сычжоу судорожно втягивал воздух носом, мысленно приказывая себе прекратить эту истерику. Но слезы не слушались — они крупными горячими каплями катились по его щекам.

Сяо Хан ошеломленно замер.

Лицо Сычжоу блестело от слез, влажные ресницы слиплись, а покрасневшие глаза выдавали

крайнюю степень отчаяния.

Сычжоу всегда отличался запредельной гордостью, особенно когда дело касалось их двоих. Сяо Хан и представить себе не мог, что когда-нибудь увидит этого неприступного гордеца в столь жалком и разбитом состоянии.

Он молча смотрел на него.

Крупные слезы, катившиеся по щекам Сычжоу, казались продолжением того холодного ливня, под которым тот вымок. И они же мгновенно потушили весь гнев и раздражение Сяо Хана.

— Что мне сделать, чтобы ты поднялся в квартиру? — уже гораздо мягче спросил он.

Сычжоу всхлипнул, обиженно надув губы.

В этот момент шедшая мимо девушка достала с заднего сиденья своего автомобиля роскошный букет алых роз. Она закрыла машину и, покачивая бедрами, направилась к лифту. Яркий, пламенный цвет роз в полумраке парковки болезненно полоснул Сычжоу по глазам.

Он вытянул руку и ткнул пальцем в сторону уходящей незнакомки:

— Купи мне такой же. Только тогда пойду.

Сяо Хан лишился дара речи.

Дождь лил сплошной стеной.

Сяо Хан ловил себя на мысли, что окончательно сошел с ума. И все ради чего? Чтобы этот капризный паршивец соизволил подняться домой. И надо же было согласиться на столь бредовое условие — тащиться посреди ночи под проливным дождем на поиски роз!

«Розы?» — Сяо Хан мысленно усмехнулся.

«Не стоило вообще ехать за ним. Пусть бы постоял на ветру до утра, глядишь, мозги бы проветрились и понял, насколько легкая у него сейчас жизнь».

Несмотря на эти ворчливые мысли, его внедорожник плавно затормозил у обочины.

Всего в нескольких метрах впереди, прямо у дороги, стояла юная продавщица. Девочка лет пятнадцати-шестнадцати куталась от дождя, прижимая к себе огромную охапку цветов, уложенную на небольшую тележку. У нее были огромные ясные глаза и очаровательные ямочки на щеках, проступавшие всякий раз, когда она поджимала губы. Ее хрупкая фигурка, обнимающая гигантский букет, отчетливо выделялась на фоне серого ненастья.

Время от времени возле нее притормаживали редкие автомобили. Но девочка, судя по всему, наотрез отказывалась продавать розы поштучно, а для обычных прохожих весь букет целиком оказывался слишком громоздким и дорогим. Сделки срывались одна за другой.

Получив очередной отказ, бедняжка едва сдерживала слезы, застилавшие ее широко распахнутые глаза.

И в этот миг перед мысленным взором Сяо Хана отчетливо предстало другое плачущее лицо. Те же большие глаза, те же едва заметные ямочки, когда он капризно поджимал губы.

Поскольку машина Сяо Хана стояла у обочины довольно долго, а сам водитель пристально наблюдал за ней, девочка набралась храбрости и покатила свою тележку поближе к его окну.

— Хотите купить цветы, братик? — спросила она, заглядывая в салон. На ее щеках снова обозначились трогательные ямочки.

Сяо Хан сглотнул подступивший к горлу ком:

— Почему ты не хочешь продать их по отдельности? Так ведь быстрее купят.

— Потому что в каждом букете заложен свой особый смысл, — серьезно ответила девочка. — В этом ровно девяносто девять роз. Они символизируют вечную любовь и верность. Если разделить букет, то и вся магия обещания разрушится, разве нет?

Сяо Хан негромко спросил:

— А если ты так и не сможешь продать его до конца ночи?

Девочка склонила голову набок, и на ее юном лице отразилась недетская решимость:

— Мы вырастили эти цветы вместе с мамой. Мама всегда говорит: если букет не продан, значит, он просто еще не дождался своего назначенного часа.

Сяо Хан скосил глаза на тележку. На лепестках роз дрожали хрустальные капли дождя. Алые бутоны горели столь яростно и сочно, словно живой костер посреди ледяной ночи. Этот пламенный цвет отозвался странным теплом где-то глубоко в груди Сяо Хана.

Девочка снова посмотрела на него, ее губы тронула робкая улыбка с неизменными ямочками:

— Братик, у тебя ведь есть тот самый человек, которому ты мечтаешь подарить эти девяносто девять роз?

<http://bllate.org/book/18323/1756540>